

91 (47.9)

Д. 46

Н. Я. Динникъ.

1874
I

Верховья

БОЛЬШОЙ ЛАБЫ

и

92 (47.95)

ПЕРЕВАЛЪ ЦАГЕРКЕРЪ.

336797

(30 л.)

Отдельный оттискъ изъ XVIII тома «Извѣстій» Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Ставропольская
краевая
библиотека

Ставропольская
краевая
библиотека

ТИФЛИСЬ.

Типографія К. П. Козловскаго, Головинскій просп., № 12.
1905.

Верховья Большой Лабы и переваль Цагеркеръ.

Множество необыкновенно красивых и глубоких ущелий, покрытых почти на всемъ своемъ протяженіи дремучими вѣковыми лѣсами, гдѣ во многихъ мѣстахъ еще не ступала нога человека, составляютъ мѣстности, которая своими холодными прозрачными водами питаетъ р. Лабу и представляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ замѣчательнѣйшихъ жемчужинъ Кавказа. Въ верховьяхъ Лабы щедрой рукой разсыпаны наилучшія украшенія природы: высокія горы, дремучіе лѣса, чудные альпійскіе луга, красивыя горныя рѣчки и ручьи, заоблачныя скалы, голубые глетчеры и вѣчные снѣга. Есть здѣсь и чистыя, прозрачныя темно-зеленыя альпійскія озера; они, впрочемъ, очень невелики и теряются среди другихъ красотъ окружающей ихъ природы.

Лѣтомъ 1903 года я рѣшилъ осуществить давно задуманную поѣздку въ эти мѣста, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на ущелья рр. Дамхурца, Мамхурца и Макеры, этихъ таинственныхъ притоковъ Б. Лабы, куда до сихъ поръ не пробирался ни одинъ путешественникъ, побывать на перевалѣ Цагеркеръ, а также въ истокахъ Бзыби. Еще 12—15 лѣтъ тому назадъ верховья Б. Лабы на протяженіи версты 50 отъ истоковъ ея представляли очень глухую мѣстность, куда почти никто кромѣ настуховъ-карачаевцевъ и абазинцевъ не проникалъ. Теперь она сильно измѣнилась. Здѣсь уже выстроено два ветеринарныхъ поста, причемъ на одномъ изъ нихъ большую часть лѣта живетъ ветеринарный врачъ и 6—7 человекъ стражниковъ; вдоль р. Лабы расчищены дороги, по которымъ ѣздятъ часто не одни только горцы, но и русскіе, построены мосты и т. д. Существованіе постовъ можетъ оказаться благотвѣтельнымъ для путешественника, котораго здѣсь всегда примутъ радушно, какъ я это испыталъ на себѣ, избавить его отъ необходимости сидѣть въ дурную погоду на дождѣ или въ непрогляд-

номъ туманѣ и мерзнуть отъ холода; но зато теперь часть этой мѣстности, въ которой, въ болышому сожалѣнію, началась рубка и славя лѣса, утратила уже свой дѣвственный, первобытный характеръ. Прежде здѣсь водилось множество оленей, кабановъ, медвѣдей, не говоря уже о рысяхъ, куницахъ, выдрахъ и крупныхъ звѣряхъ; держались даже зубры, въ чемъ убѣждался я самъ во время своей давнишней поѣздки въ ту часть долины Лабы, которая извѣстна подъ именемъ Загдана, а на окружающихъ ущельяхъ Лабы горахъ бродили цѣлыми стадами туры и серны. Теперь значительная часть дичи изъ этихъ мѣстъ перекочевала. Въ дѣвственномъ состояніи остались только долины или ущелья упомянутыхъ уже притоковъ В. Лабы, въ которыхъ въ настоящее время нѣтъ не только никакихъ дорогъ, но даже тропинокъ, почему пробраться въ нихъ съ лошадьми и необходимымъ запасомъ провизіи нѣтъ никакой возможности.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня я пріѣхалъ въ Псебай, чтобы отсюда отправиться къ верховьямъ В. Лабы. Въ это время на всемъ сѣверномъ Кавказѣ шли сильнѣйшіе дожди и потому долина Лабы отъ станицы Лабинской до Псебая была сплошь залита, и я долженъ былъ пробхать 60 верстъ по водѣ. Въ Псебай, вообще очень обильномъ дождями, они были еще сильнѣе, чѣмъ въ окружающихъ его мѣстахъ. Тамъ произошли огромные обвалы, во многихъ мѣстахъ дороги были завалены и занесены горами камня, щебня и ила, увлеченныхъ съ сосѣднихъ горъ, а по нѣкоторымъ улицамъ Псебайской станицы нельзя было пробхать даже верхомъ. Мнѣ говорили, что лѣтъ 30 или 40 не было такого наводненія. Въ день моего пріѣзда и слѣдующіе за нимъ здѣсь было нѣсколько сильнѣйшихъ ливней, которые заставили меня отложить почти на недѣлю поѣздки въ горы.

Изъ Псебая я долженъ былъ пробхать ущельемъ Малой Лабы около 45 верстъ до урочища Умпырь по дорогѣ, уже описанной мною въ моихъ предыдущихъ статьяхъ о горахъ Кубанской области *). Отсюда я долженъ былъ подняться по долинѣ Умпыра на хребетъ, который раздѣляетъ долины Малой и Большой Лабы, и тогда уже спуститься къ этой послѣдней. Первые версты 30 мы пробхали благополучно, но дальше въ мѣстности, извѣстной подъ

*) «Кубанская обл. въ верховьяхъ Уруштина и Вѣлой». Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIX. «Верховья Малой Лабы и Мзымты». Тамъ-же, кн. XXII.

изменемъ Третьей Роты *), началась такая глубокая и тонкая глинистая грязь, что лошади грузили въ ней ноги по самое брюхо. Въ некоторыхъ мѣстахъ онѣ съ большимъ трудомъ вытягивали изъ этой клейкой грязи ноги и едва не падали. Вслѣдствіе этого мы добрались до Умпыра только утромъ на другой день послѣ отъѣзда изъ Нсебая и принуждены были почевать недалеко отъ Третьей Роты. На чудной Умпырской полянѣ мы пробудили до слѣдующаго утра, чтобы дать отдохнуть нашимъ лошадямъ. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, на Умпырѣ по опушкамъ лѣсовъ и на полянахъ и нашель много земляники и очень душистой малины, которыми можно было наѣдаться до пресыщенія; здѣсь-же въ ближайшихъ рѣчкахъ—Малой Лабѣ, Умпыргѣ и Ачипетѣ оказалась масса форели. На этихъ же мѣстахъ я встрѣтилъ, какъ и два года тому назадъ, большое количество клестовъ (*Loxia curvirostra* L.) и кромѣ того наблюдалъ, несмотря на конецъ іюня, тягу вальдшнеповъ. Вечеромъ въ день нашего приѣзда я видѣлъ трехъ вальдшнеповъ, которые медленно пролетѣли надъ Умпырской поляной, причемъ два изъ нихъ издавали извѣстный каждому охотнику характерный крикъ („цуканье“). На слѣдующее утро я нарочно всталъ очень рано и на разсвѣтѣ стоялъ уже на полянѣ, чтобы узнать, будутъ-ли снова тянуть вальдшнепы. Одного изъ нихъ мнѣ дѣйствительно удалось увидѣть, причемъ онъ, два раза пролетая взадъ и впередъ надъ поляной, кричалъ совершенно такъ, какъ и тѣ, которыхъ я видѣлъ наканунѣ. Въ слѣдующіе дни, какъ увидитъ читатель, мнѣ пришлось наблюдать тягу вальдшнеповъ и въ долинѣ Б. Лабы. Такимъ образомъ, мнѣніе о существованіи тяги на Кавказѣ, а, слѣдовательно, и о томъ, что вальдшнепы выводятся здѣсь, я могу подтвердить еще разъ наблюденіями, произведенными въ эту поѣздку. О тягѣ вальдшнеповъ на Кавказѣ я говорилъ и раньше; сообщали объ этомъ и другіе, но въ этотъ разъ мнѣ удалось лично наблюдать вполне характерную тягу и притомъ не во время весенняго пролета вальдшнеповъ (въ мартѣ или первой половинѣ апрѣля), а гораздо позднее, въ самомъ концѣ іюня. Очевидно, это тянули вальдшнепы, которые остались здѣсь до времени осенняго перелета и должны были вывести потомство.

29-го іюня утромъ бывшая до этого хорошая погода, новидному, начинала измѣняться: на небѣ съ ранняго утра стали клу-

*) Во время Кавказской войны здѣсь стояла одна рота Севастопольскаго полка.

бится облака, солнце не показывалось вовсе, и съ минуты на минуту можно было ожидать дождя. И начать уже подумывать о томъ, удобно-ли будетъ въ такую погоду перебираться черезъ довольно высокій Умпырскій переваль (8114 ф., надъ ур. моря), по мени успокоилъ барометръ, который за ночь поднялся на цѣлѣе пять миллиметровъ. Часомъ въ 8 утра я съ двумя своими проводниками двинулся въ путь вверхъ по долинь Умпыра.

Для подъема на переваль мы употребили $3\frac{3}{4}$ часа и по пути къ нему видѣли много ланей—въ общей сложности болѣе 35 штукъ. Въ одномъ табунѣ ихъ я насчиталъ 26 ланей вмѣстѣ съ ланчуками. Онѣ здѣсь совсѣмъ не напуганы, подпускаютъ человека довольно близко, а, бросившись бѣжать, часто останавливаются и пристально смотреть на нарушителя ихъ покоя. Одна старая ланка, отставшая отъ упомянутого большого стада, пробѣжала отъ насъ по чистому мѣсту въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, не желая свернуть въ сторону. Самцовъ-оленей въ это время здѣсь нѣтъ вовсе: они забираются на самыя высокія и не посѣщаемыя людьми мѣста горъ и въ ельники. Въ Умпырской долинь мы видѣли еще медвѣдя, но очень далеко. Изъ птицъ намъ попадались часто синицы (*Parus major* L. и *Mecistura caudata* L.), горныя овсянки (*Emberiza cia* L.) и чечевички или красногрудые воробьи (*Carpodacus erythrinus* Pall.). На полянахъ праваго склона долины Умпыра, обращенныхъ къ югу, я видѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обыкновенный ковыль (*Stipa pennata*), котораго раньше здѣсь не замѣчалъ*).

Когда мы поднялись на переваль, надъ нимъ висѣли густыя тучи, было холодно и дулъ порядочный вѣтеръ; но едва успѣли пройти отъ перевала версты двѣ или три и спуститься футовъ на тысячу, какъ показалось солнце и сразу стало гораздо теплѣе. Надъ переваломъ-же и въ это время висѣли густыя тучи. Съ тропы, по которой мы шли, открылся чудный видъ на долину Закана, Б. Лабы и всѣ горы, которыя находятся въ верховьяхъ ихъ, а также въ верховьяхъ Б. Зеленчука. Хорошо видны были, между прочимъ, высочайшія вершины этой части Кавказа, именно Псышь (11481 ф.) и Псырь (12425 ф.), которыя возвышаются въ истокахъ Б. Зеленчука. Восточная изъ этихъ вершинъ, именно Псышь, покрыта гораздо большимъ количествомъ снѣга, тогда какъ за-

*) Долина Умпыра подробно описана мною въ статьѣ „Верховья М. Лабы и Мзымты“. Зап. Кавк. Отд., кн. XXII, 1902.

падная представляеть, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, остро-конечную черную почти лишенную снѣга скалу*). Очень красивый видъ имѣють и верховья Закана, самаго большого, или, правильнѣе, самаго многоводнаго изъ притоковъ В. Лабы въ ея верховьяхъ. Заканъ начинается множествомъ отдѣльныхъ рѣчекъ, которыя располагаются вѣерообразно и получаютъ начало съ юго-восточнаго склона хребта Луганъ, изъ горъ, идущихъ къ ЮЮВ. отъ него, и, наконецъ, изъ хребта, который тянется по лѣвой сторонѣ долины Дамхурца. Изъ угла, образуемаго послѣдними двумя хребтами, вытекаетъ самый длинный и самый большой истокъ Закана. Егеря Кубанской Великокняжеской Охоты, а также польсовщики и ветеринарная стража называютъ ущелье его Имеретинской балкой, такъ какъ въ немъ иногда пасутъ скотъ имеретинцы, приходящіе туда съ южнаго склона Кавказа. При началѣ этой балки находятся большія снѣжныя поля и довольно порядочный глетчеръ, на существованіе котораго до сихъ поръ не имѣется, кажется, никакихъ литературныхъ указаній. Онъ лежитъ въ ущельѣ, окруженномъ высокими горами, и тянется въ длину на довольно порядочное разстояніе. Другой, меньшій фирнъ-глетчеръ находится въ верховьяхъ одного изъ западныхъ истоковъ Закана. Въ истокахъ и на склонахъ всѣхъ другихъ балокъ, питающихъ своими водами Заканъ, снѣга очень много, но онъ разбросанъ всюду небольшими лоскутами и пятнами по склонамъ, котловинамъ и среди зеленыхъ альпійскихъ луговъ. Такое расположеніе снѣговъ придаетъ мѣстности совершенно своеобразный видъ, отличающійся особенной пестротой. Ниже этихъ мѣстъ тянутся сначала березняки, а потомъ густые темно-зеленые ельники.

Спускъ съ Умпырскаго перевала въ началѣ очень крутъ и довольно скученъ. Троицка дѣлаетъ множество зигзаговъ и переѣзжаетъ нѣсколько глубокихъ балокъ, покрытыхъ горными лугами. Верстахъ въ трехъ отъ перевала начинаются красивые роции, состоящія изъ пихтъ и березъ, разбросанныхъ по крутымъ склонамъ горъ. Во многихъ мѣстахъ пихтовья роции тянутся красивыми лентами или полосами, которыя идутъ вдоль балокъ и высоко поднимаются на хребетъ Магншо, принадлежащій къ наиболѣе высокимъ въ этой мѣстности. Около Умпырскаго перевала пасется

*) Вершина Пемръ, какъ указываетъ г. Подозерскій, находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ Кавказа обозначена вершина Пемшь, а Пемшь восточнѣе ея.

много скота,—поэтому трава сильно выбита, и горные дуга имѣютъ довольно печальный видъ. Значительно ниже начинаются лѣса, среди которыхъ находится много полянъ, а растительность съ каждымъ шагомъ становится все пынше и разнообразше. Надо замѣтить, что Закавъ верстахъ въ пяти отъ впадеи въ В. Лябу поворачиваетъ почти съ З. на В., поэтому лѣвый склонъ его долины, обращенный почти прямо къ югу, находится подъ сильнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, крутой-же правый склонъ освѣщается гораздо слабше. Это обстоятельство служитъ причиной поразительнаго различія въ растительности обоихъ склоновъ долины. Правая сторона, начиная отъ русла рѣки до гребня горы, покрыта сплошнымъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ, который издали, отчасти вслѣдствіе слабаго освѣщенія, а отчасти вслѣдствіе дѣйствительно темнаго цвѣта хвои, кажется темно-синимъ. Пихты и ели тянутся здѣсь почти до верхней границы лѣса, гдѣ березняки образуютъ лишь узкую полосу.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается лѣвый, солнечный склонъ долины. На немъ находится множество большихъ и маленькихъ полянъ, на которыхъ растетъ трава и бурьянъ высотой въ ростъ человѣка, а лѣса состоятъ почти исключительно изъ лиственныхъ деревьевъ; среди нихъ только изрѣдка попадаются пихты и въ нѣсколько большемъ количествѣ ель. На всѣхъ полянахъ и здѣсь растетъ много дикой ржи (*Secale montanum* Gass.), которая тянется вверхъ за сорными травами и достигаетъ роста почти въ сажень. Колосья на ней очень длинны, но сравнительно тонки. Изъ травянистыхъ растений часто встрѣчаются три вида аконита съ цвѣтами бѣлыми, синими и лиловыми, очень крупныя и красивыя *Campanula*, *Geranium pratense* и еще другіе виды этого рода, *Aruncus silvester*, *Veronica*, *Polygonatum vulgare* Desf., *Asperula odorata*, румянка (*Echium rubrum*), *Cucubalus*, *Dianthus*, различныя виды горошка, *Ranunculus crispus*, много злаковъ и громадный *Heracleum pubescens*. Последніе на сырыхъ мѣстахъ достигаютъ въ высоту сажень двухъ, толщины въ погу человѣка и несутъ на верху стебля зонтики величиною въ обыкновенный дамскій зонтикъ. На сухихъ-же каменистыхъ мѣстахъ *Heracleum* были гораздо мельче и уже начали желтѣть. Папоротниковъ здѣсь сравнительно мало и изъ нихъ по сырымъ мѣстамъ чаще другихъ попадаетъ *Struthiopteris germanica*. Что касается древесныхъ и кустарныхъ растений, то изъ нихъ на этомъ склонѣ долины встрѣчается много ясени, клена

(*Acer campestre* и *A. platanoides*), вяза (*Ulmus campestris*), граба (*Carpinus Betulus*) и бука (*Fagus sylvatica*); кроме того растут дубъ, яблоня, груша, боярышникъ, очень много алычи (*Prunus divaricata* Led.), дикая черешня, обыкновенная калина, бузина (*Sambucus nigra*), нѣсколько видовъ жимолости (*Lonicera*), обыкновенный бересклетъ (*Evonymus*), орешникъ (*Corylus Avellana*), довольно много осины, образующей мѣстами очень чистыя насажденія, черноольха, ольха и какъ-бы въ видѣ исключенія рябина и береза. Судя по характеру и разнообразію растительности этихъ мѣсть, трудно повѣрить, что они лежатъ на высотѣ отъ 4 до 5 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а не на 2 или 2½, тысячи футовъ ниже, чѣмъ въ дѣйствительности. На одной высотѣ съ ними, по правой сторонѣ долины, растутъ густые, вѣковые лиственничныя лѣса, среди которыхъ нѣтъ ни одной поляны и ни одного лиственничнаго дерева. На солнечномъ склонѣ у верхней границы лѣсовъ часто попадается красивый горный кленъ (*Acer Trautvetteri* Medv.). Закакъ имѣетъ здѣсь ширину аршинъ въ 20—25, течетъ очень быстро, прыгая съ камня на камень и образуя безчисленное множество водопадовъ. Шумъ его, вѣроятно, слышнень за нѣсколько верстъ. Вода въ Закакѣ чиста, прозрачна и очень холодна.

Отъ Уммырскаго перевала до того мѣста, гдѣ Закакъ впадаетъ въ В. Лабу, мы добрались за 3¼ часа, причѣмъ первую, наиболее крутую половину спуска должны были пройти пѣшкомъ, употребивъ на это слишкомъ полтора часа. Въ 5¼ часовъ вечера мы расположились на небольшой полянкѣ, находящейся на лѣвомъ берегу Лабы, саженьхъ въ 20 отъ впаденія въ нее Закана. Здѣсь намъ нужно было переночевать, чтобы дать хорошій отдыхъ лошадямъ, совершившимъ длинный и тяжелый путь черезъ Уммырскій переваль.

Полянка, выбранная нами для ночлега, расположена на днѣ ущелья въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега рѣки и на высотѣ около 3700 ф. надъ ур. моря. Она окружена лиственничнымъ лѣсомъ, среди котораго растутъ кое-гдѣ сосны. На ней-же оказалось много жасмина (*Philadelphus coronarius*), усилъшаго уже отцвѣсти. Плоское дно ущелья В. Лабы здѣсь очень узко, а надъ нимъ поднимаются крутыя, обрывистыя и болѣе или менѣе сильно заросшія лѣсомъ скалы. Спустя нѣсколько минутъ послѣ нашего прїѣзда на это мѣсто мы увидѣли на противоположной сторонѣ рѣки высоко на скалахъ серну. Она стояла на самомъ краю громаднаго отвѣ-

снаго уступа, приче́тъ значительная часть ущелья Лабы была у нея под ногами. Минуть черезъ пять послѣ того, какъ мы ее замѣтили, она улеглась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла раньше. Серна, безъ сомнѣнія, замѣтила насъ и наблюдала за каждымъ нашимъ движеніемъ: видѣла, какъ мы развѣивали лошадей, собирали дрова для костра, разводили огонь, ставили налатку и т. д. Разстоянія до нея было шаговъ 600. Я долго любовался ею въ бинокль. Она лежала спокойно и только поворачивала голову въ разныя стороны, окидывая своимъ взоромъ то ту, то другую часть ущелья. Мнѣ хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на нее свистъ или крикъ чело́вѣка. Каждый разъ, когда я свистѣлъ или кричалъ, серна поворачивала голову въ мою сторону, но продолжала лежать спокойно. Умное животное, пахнувшее на противоположной сторонѣ рѣки и притомъ на такой значительной высотѣ, сознавало, очевидно, свою безопасность, хотя въ этомъ случаѣ, можетъ быть, жестоко ошибалось. Если-бы ей пришлось познакомиться съ винтовками новѣйшаго времени, стрѣляющими бездымнымъ порохо́мъ, то она была-бы гораздо осторожнѣе. Передъ заходомъ солнца серна поднялась и начала щипать траву, пробираясь по узкимъ карнизамъ и цѣпляясь своими крупными ногами за самые ничтожные уступы отвѣсныхъ скаль. Подъ нею была пропасть глубиною саженъ въ 150 и притомъ, какъ уже замѣчено, съ отвѣсными стѣнами. Но это серку нисколько не смущало: она свободно держалась на самыхъ незначительныхъ неровностяхъ скаль, ставила иногда всѣ четыре ноги въ одно мѣсто, поворачивалась всѣмъ тѣломъ и пѣсколько разъ перескакивала, дѣлая необыкновенно смѣлые прыжки, съ одного уступа на другой. Передъ сумерками серна куда то скрылась.

Въ Лабѣ въблизи нашей стоянки мои проводники поймали нѣсколько штукъ форелей, которыя, по ихъ словамъ, въ тотъ вечеръ ловились очень плохо. Это, какъ говорили они, предвѣщало дождь. Ночью онъ, дѣйствительно, былъ, хотя и небольшой; но въ то-же время, какъ мы убѣдились на слѣдующій день, въ горахъ въ верховьяхъ Лабы прошелъ сильѣйшій ливень.

Наша стоянка занимала очень красивое мѣстоположеніе, но большое неудобство ея заключалось въ томъ, что на ней и въ ея окрестностяхъ было ужасно много мошки, которая ночью страшно кусала насъ и не давала намъ спать. Лицо, руки и шея у всѣхъ насъ были укусаны. Еще больше она допымала, конечно, лошадей. На наше горе ночь была теплая и спать, накрывшись съ го-

довой, было невозможно; да, кромѣ того, и это не защищало-бы насъ вполне, такъ какъ чуть не микроскопическіе кровопійцы ухитрились проникать всюду черезъ самое ничтожное отверстіе или щель.

30-го іюня въ 9 часовъ утра мы тронулись въ путь и тотчасъ должны были переѣхать по мосту на правую сторону Закапа. Русло его завалено такими большими камнями и вода течетъ въ немъ такъ быстро, что переправляться черезъ него вбродъ было бы небезопасно. Ширина Закапа и здѣсь равняется аршинамъ 20—25, ширина-же Лабы вблизи устья въ Закапа доходитъ аршинъ до 60. За мостомъ черезъ Закапъ начинается очень крутой подъемъ, который тянется на протяженіи сажень 150. Его надо было пройти пешкомъ. За подъемомъ потянулась ровная дорога, которая скорѣй привела насъ на красивую большіую поляну, окруженную со всѣхъ сторонъ стѣной высокоствольнаго лѣса. Когда-то эта поляна, извѣстная подъ именемъ Карапырской, была обитаема, доказательствомъ чему могутъ служить находящіеся на ней кучи камня и огромный курганъ изъ рѣчныхъ валуновъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь жили до покоренія Кавказа черкесы. Этотъ курганъ пробовали раскапывать, но не нашли въ немъ ничего особеннаго. Разрытъ онъ, впрочемъ, очень мало. Вся Карапырская поляна покрыта высокой травой, перемежаемой съ бурьяномъ. На ней построено нѣсколько балагановъ, въ которыхъ живутъ рабочіе, занимающіеся сплавомъ брусель по Лабѣ.

За полевой дорога на протяженіи верстъ трехъ тянется по сплошному лѣсу. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ елей, причемъ большая часть ихъ имѣетъ очень порядочные размѣры, а многія достигаютъ двухъ, даже трехъ обхватовъ въ толщину. Довольно часто попадаются здѣсь букъ, который тянется къ свѣту за елками и растетъ очень прямыми и высокоствольными деревьями. Многія изъ нихъ на разстояніи 10—15 сажень отъ земли совершенно лишены вѣтвей. Прочія лѣсныя породы, какъ, напр., ясень, вязъ или берестъ, кленъ, а также вихта встрѣчаются здѣсь сравнительно рѣдко.

Черезъ два часа послѣ нашего отъѣзда со стоянки мы добрались до р. Дамхурца—второго довольно большого притока Лабы съ лѣвой стороны. Это чудная, необыкновенно красивая рѣчка. Величиною она съ Закапъ, но течетъ значительно медленнѣе и имѣетъ такую чистую, прозрачную зелено-голубого цвѣта воду, какую рѣдко можно встрѣтить даже въ самыхъ красивыхъ

горныхъ рѣчкахъ. Въ этомъ отношеніи Дамхурецъ особенно напоминаетъ мѣѣ Цеде, впадающую въ Шеху*). На днѣ его видны не только камешки, но даже всѣ песчинки. Средняя глубина Дамхурца около аршина, но есть, конечно, мѣста и болѣе глубоки. Перевѣздъ черезъ Дамхурецъ вбродѣ не представляетъ никакихъ затрудненій.

Ущелье Дамхурца болѣе или менѣе широко и просторно. Разстояніе между гребнями горъ, ограничивающихъ его съ правой и лѣвой сторонъ, равняется среднимъ числомъ 7—8 верстамъ, если считать по прямой линіи. Ко дну этого ущелья подходят съ обѣихъ сторонъ множество крутыхъ и глубокихъ короткихъ балокъ. Самое ущелье Дамхурца, а также всѣ эти балки покрыты густыми дремучими ельниками; исключеніе составляютъ только гребни горъ, на которыхъ растетъ трава и громоздятся скалы, сопровождаемыя неизбежнымъ спутникомъ ихъ—осыпями. Такъ какъ ущелье Дамхурца на значительной части своего протяженія тянется почти съ Ю. на С., то обѣ стороны его одинаково освѣщаются солнцемъ и имѣютъ одинаковую растительность. Длина этого ущелья равняется верстамъ 25. Вершины и гребни горъ, окружающихъ его, не особенно круты и представляютъ довольно широкую зону альпійскихъ луговъ, на которыхъ скалы и осыпей сравнительно мало. На этихъ лугахъ могло-бы пастись много скота, но до нихъ почти невозможно добраться ни съ какой стороны. Особенно обширныя и чистыя покрытыя травой мѣста находятся на сѣверной части хребта, ограничивающаго ущелье Дамхурца съ правой стороны и отдѣляющаго его отъ ущелья другого притока Лабы—Мамхурца. Ущелья обѣихъ этихъ рѣчекъ принадлежатъ къ самымъ глухимъ и безлюднымъ на всемъ Кавказѣ. Въ нихъ до сихъ поръ водится много оленей, медвѣдей и кабановъ. Года два тому назадъ два егеря Кубанской Охоты В. Кн. Сергія Михайловича убили здѣсь дня за четыре болѣе десяти медвѣдей. Зубры, однако, уже оставили эти мѣста, и въ послѣдніе годы егеря никогда не встрѣчали слѣдовъ ихъ въ долинахъ Дамхурца и Мамхурца. То же надо сказать про долины слѣдующихъ двухъ притоковъ В. Лабы, т. е. про долины Макеры и Санчары. Зубры передвинулись изъ этихъ мѣстъ дальше къ западу, въ долину Уруштена и въ лѣса верховьевъ Бѣлой и ея притоковъ. Я думалъ, что на гор-

*) „Онгель и окружающія его части Кубанской области“—моя статья, помѣщенная въ Запискахъ Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XVI.

ныхъ лугахъ, окружающихъ ущелье Дамхурца, водятся много серны и даже туры, но одинъ изъ охотниковъ, отправлявшихся сюда за медвѣдями, сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ этихъ мѣстахъ, именно на горахъ между Дамхурцемъ и Мамхурцемъ, за нѣсколько дней только четыре серны да семь туровъ. Это на первый взглядъ очень странное явленіе свидѣтельствуетъ о томъ, какими прихотливыми оказываются иногда звѣри въ выборѣ мѣста или, лучше сказать, какъ сложны и для насъ иногда мало понятны условія, которыя необходимы для ихъ жизни въ извѣстной мѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, въ долину Умвюра, на Итиргвартѣ, Бамбакѣ, около Чортовыхъ воротъ и на прочихъ горахъ, окружающихъ верховья Малой Лабы и Уруштена, всё постоянно ходятъ и бѣгаютъ люди, держатся всегда очень много дичи. Я самъ неоднократно видѣлъ тамъ въ одинъ день по нѣскольку десятковъ, даже до сотни серны, много туровъ, оленей и другихъ звѣрей почти рядомъ съ пасущимися табунами лошадей и стадами овецъ. То же наблюдалъ я и въ отношеніи туровъ на Казбекѣ. Можно думать, что очень глубокіе снѣга, которые выпадаютъ не только на горахъ, окружающихъ долину Дамхурца, но и въ ней самой и соседнихъ съ нею, и малое количество пригрѣвовъ дѣлаютъ невозможнымъ пребываніе здѣсь звѣрей, вродѣ туровъ и серны, въ зимнее время. Въ этомъ отношеніи горы хотя и болѣе высокія, но имѣющія по соседству мѣста сравнительно низкія, теплыя и мало-снѣжныя въ зимнее время гораздо болѣе удобны для звѣрей. Особенно важно для нихъ послѣднее условіе.

По долину Дамхурца прежде проходила скотопрогонная тропа, по которой можно было проѣхать верхомъ вдоль всей долины. Она вела черезъ восточный истокъ рѣчки на южный склонъ Кавказскаго хребта, въ Кутаисскую губернію. Теперь по этой тропѣ проѣзда нѣтъ вслѣдствіе бурелома, который завалилъ ее вѣковыми деревьями на протяженіи нѣсколькихъ верстъ недалеко отъ мѣста впаденія Дамхурца въ Лабу. Выше этого мѣста, какъ мнѣ говорили, и въ настоящее время по тропѣ можно ѣхать болѣе или менѣе свободно.

Въ долину Дамхурца растетъ въ полномъ смыслѣ дѣйствительный дремучій лѣсъ, въ которомъ ещё не раздавался стукъ топора. Чтобы хотя немного ознакомиться съ долиною Дамхурца, мы проѣхали по ней нѣкоторое разстояніе верхомъ, а потомъ пошли пѣшкомъ. Оставить здѣсь надолго безъ присмотра всё свои вещи и лошадей было рискованно, — поэтому мы не могли обратиться

далеко вверх по этой долине и ограничились осмотром только нижней половины ее. По своей растительности она не отличается заметно от долины Лабы. Преобладающими лесными породами и здесь надо считать ель и пихту; кроме того, довольно часто встречается осина, береза, черноольха и бук.

Выше слияния Дамхурца с Большой Лабой долина последней сильно расширяется и сохраняет такой характер на протяжении версты пятнадцати. Это место, известное под именем Загдана, покрыто самым лучшим на всем Кавказе лесом, который растет не только по болоте или менее пологому дну долины, но и по крутым склонам, ограничивающим ее с правой и левой стороны. Этот лес покрывает площадь, вбродно, болше сотни квадратных верст, если считать все складки неровной местности. Большая часть Загдана представляет безмолвный дремучий лес, во многих местах которого также никогда не ступала нога человека. Он состоит по преимуществу из буковых елей и пихты, причем многие из них достигают невероятной толщины. Часто встречаются деревья в три, а иногда даже в 4 или 4½ обхвата толщины (10½ арш. в окружности) при высоте аршин до 100. Большая часть этих прямых высоких гигантов на протяжении 10—15 сажень от земли совершенно лишена ветвей и напоминает не деревья, а какія-то исполинскія колонны. Замечательно красивы громадные буковые деревья, также лишенные ветвей на всем протяжении за исключением верхушки. Их гладкіе светло-серые стволы представляются как будто бы вылитыми из свинца. Рядомъ съ этими деревьями, полными жизни и силы, стоят также-же великаны, уже ожившіе свой въкъ. Одни изъ нихъ еще покрыты корой, а другие уже совершенно лишились ея и напоминаютъ собою скелеты. Здесь же попадаетъ много огромныхъ деревьевъ, переломленныхъ поперекъ или расщепленныхъ бурей. Тысячи такихъ гигантовъ лежатъ на землѣ въ томъ видѣ, какъ свалила ихъ буря или какъ упали они сами, проживъ не одну сотню лѣтъ. Влажная, покрытая мягкимъ мхомъ почва, которая питала ихъ многие годы, служить имъ теперь могильнымъ ложемъ.

Еще сравнительно недавно, именно лѣтъ 15 тому назадъ, въ Загданъ рѣдко проникалъ человекъ, и леса его стояли цѣлыя тысячелѣтія въ томъ видѣ, какъ создала ихъ природа. Чудный, величественный обликъ этой долины оставался не тронутымъ рукою человека. Здесь можно было скитаться цѣлыя вѣдлі, видѣть же

услышать людского голоса. Тогда въ Загданѣ водилось, какъ вездѣ въ верховьяхъ Лабы, много звѣрей и въ числѣ ихъ зубры. Въ концѣ семидесятыхъ и въ среднѣхъ восьмидесятыхъ годовъ я проѣхалъ лишь небольшую часть этой долины и видѣлъ въ ней оленей въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а на горахъ, окружающихъ Загданъ, намъ попались стада туровъ, сернь и много медвѣдей. Теперь уже не то: до Загдана проложена по ущелью Лабы дорога и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русло рѣки расчищено, — словомъ, все приготовлено для рубки и сплава лѣса. Года два назадъ немного ниже Загдана на берегу Лабы были построены балаганы, въ которыхъ съ того времени круглый годъ живутъ рабочіе, и теперь съ той поры началъ стучать въ дѣбряхъ Загдана, бывшихъ еще недавно такими таинственными, и его великаны съ грохотомъ, потрясающимъ горы, валятся теперь на землю, ломая и уродуя своихъ сосѣдей. По хорошо уже пробитымъ тропамъ разѣзжаютъ полѣсовщики, лѣсопромышленники и постоянно ходятъ рабочіе. Пройдетъ еще 2—3 десятка лѣтъ, и отъ чудной дѣйственной природы Загдана останется лишь одно воспоминаніе!

Замѣтимъ, что лѣса, болѣе или менѣе подобныя только что описанному, встрѣчаются въ верховьяхъ рр. Пшехи, Бѣлой, Уруна, а также Зеленчука (Иркызь) и Теберды, т. е. въ горахъ западной половины Кавказа въ Майкоцкомъ и Баталпанинскомъ отдѣлахъ Кубанской области. Къ востоку отъ Эльбруса на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта ничего подобнаго мы уже не видимъ. Лѣса не покрываютъ тамъ такихъ значительныхъ пространствъ, и, кромѣ того, изъ высокоствольныхъ хвойныхъ деревьевъ встрѣчается въ нихъ только сосна; ни хвѣ и ель отсутствуютъ совершенно. Добавлю еще, что въ верховьяхъ Зеленчука и Теберды эти лѣса давно уже стали рубить, и они успѣли сильно порѣдѣть. Немало дремучихъ ништовыхъ лѣсовъ находится, впрочемъ, на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта въ предѣлахъ Черноморской и Кутаисской губерній.

Проѣхавъ по Загдану вереть восемь, мы добрались до слѣдующаго притока Большой Лабы съ лѣвой стороны — до рѣчки Мамхурца. Передъ впаденіемъ въ Лабу онъ разбивается на нѣсколько неширокихъ протоковъ, образуя дельту, занесенную горами камня и песка. Здѣсь среди необъятной лѣсной глуши на маленькихъ болѣе или менѣе освѣщенныхъ солнцемъ каменистыхъ полянкахъ и совершенно неожиданно встрѣтилъ немало гребенчука (Tamarix), растущаго обыкновенно на сухихъ и открытыхъ каменистыхъ или песчаныхъ мѣстахъ, хорошо освѣщенныхъ солнцемъ.

Долина Мамхурца во многих отношеніях напоминает долину Дамхурца. Обѣ эти рѣчки получаютъ начало на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, текутъ почти параллельно другъ другу и покрыты вѣковыми хвойными лѣсами, но ущелье Мамхурца гораздо тѣснѣе, а гребни окружающихъ его горъ значительно круче и острѣе. Особенно круты и скалисты они у южной части ущелья. Здѣсь видны высокія обрывистыя скалы, на которыхъ лежатъ во многихъ мѣстахъ снѣгъ. Небольшія снѣжные поля находятся и въ самыхъ верховьяхъ рѣки, въ особенности въ верховьяхъ главнаго ея истока, вытекающаго съ юго-восточной стороны. По мѣрѣ же приближенія къ Лабѣ горы, окаймляющія долину Мамхурца, постепенно понижаются, дѣлаются менѣе скалистыми, и во многихъ мѣстахъ на нихъ выступаетъ довольно широкій поясъ горныхъ луговъ, на которыхъ только кое-гдѣ видны небольшія скалы и осыпи. Лѣса въ долинѣ Мамхурца состоятъ главнымъ образомъ изъ ели. Въ Мамхурцѣ съ правой и лѣвой сторонъ впадаетъ много рѣчекъ и ручьевъ, но они вслѣдствіе крутизны склоновъ имѣютъ очень небольшую длину. По балкамъ, гдѣ они текутъ, еловые пихтовые лѣса высоко поднимаются на склоны горъ, ограничивающихъ ущелье Мамхурца. Надъ хвойными лѣсами здѣсь тянется еще лѣнта березняковъ, составляющая верхнюю границу лѣсовъ. Мамхурцъ вытекаетъ не непосредственно изъ Главнаго хребта, но версты на четыре сѣвернѣе, поэтому и длина его немного меньше, чѣмъ Дамхурца: она равняется верстамъ 22.

Часа въ два дня мы добрались до слѣдующаго, довольно большаго притока Лабы—до рѣчки Макеры, но дальше ѣхать уже не могли по слѣдующей причинѣ. Выше слиянія упомянутыхъ двухъ рѣчекъ намъ надо было вбродъ переправиться черезъ Лабу и по правому берегу проѣхать нѣсколько верстъ; но, какъ я уже говорилъ, въ прошлую ночь, когда насъ помочилъ небольшой дождь, въ горахъ прошелъ сильнѣйшій ливень, вслѣдствіе котораго вода въ Лабѣ начала сильно прибывать. Еще утромъ, какъ только мы встали, я невольно обратилъ вниманіе на то, что она изъ чистой, прозрачной, зеленовато-голубой превратилась въ мутную, желто-сѣрую, и вскорѣ послѣ этого уровень ея началъ быстро повышаться. Къ полудню вода поднялась выше обыкновеннаго аршина на полтора, если не болѣе. О переѣздѣ черезъ рѣчку при такихъ условіяхъ нельзя было, конечно, и думать. Такимъ образомъ, намъ надо было остановиться и ждать до тѣхъ поръ, пока вода спадетъ. Въ углу, составленномъ пересѣченіемъ Лабы и Макеры, находится возвышен-

ный уступ или, правильнѣе, мысъ, съ котораго открывается очень хороній видъ на долины обѣихъ рѣкъ. На плоской вершинѣ этого мыса раскинулась большая поляна, покрытая свѣжей зеленой травой. Эта поляна ограничена съ одной стороны Лабой, съ другой—ущельемъ Макеры и съ третьей—высокой горой. Вершина последней оголена, а склоны покрыты лиственничнымъ лѣсомъ, по которому отъ низа до верха тянутся болѣе или менѣе широкия полосами густые ельники. Они своимъ темно-синимъ цвѣтомъ очень рѣзко отдѣляются на свѣтло-зеленомъ фонѣ лиственничнаго лѣса и придаютъ всей горѣ замѣчательно красивый и оригинальный видъ. Сама полянка также окружена соснами и елями, причѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ растутъ и на срединѣ ея. Лучшаго, чѣмъ эта поляна, мѣста для стоянки трудно было отыскать, и мы, конечно, не замедлили воспользоваться имъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прѣзда посрединѣ поляны, на высотѣ около 5000 ф. надъ уровнемъ моря уже стояла моя палатка, и мы суетнялись около нея, разбирая наши вещи. Въ одномъ только отношеніи, какъ мы увидимъ вскорѣ, эта стоянка оказалась неудобной.

Ущелье Макеры имѣетъ въ длину верстъ 25, если не болѣе, и превосходитъ въ этомъ отношеніи ущелье Махмурца. Тянется оно въ ЮЮЗ. направленіи, но въ самыхъ верховьяхъ рѣчки круто поворачиваетъ на западъ, и потому истоки Макеры почти сходятся съ истоками Даммурца, отдѣляясь отъ нихъ лишь узкимъ гребнемъ. Ущелье Макеры узко, скалисто и окаймляется очень высокими горами. Даже въ 3—4 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Макера впадаетъ въ Лабу, эти горы такъ высоки, что на нихъ въ теченіе всего лѣта лежатъ во многихъ мѣстахъ полосы и пятна снѣга. Почти все горы, окружающія Макеру, покрыты хвойными лѣсами. Верстахъ въ трехъ отъ нижняго конца ущелья этой рѣчки къ нему съ правой стороны подходит короткая, но глубокая и скалистая балка. Между нею и ущельемъ Макеры поднимается очень высокая гора, вершина которой состоитъ изъ крутыхъ, обрывистыхъ скалъ; непосредственно подъ ними тянутся осыни, покрытыя лентами и пятнами снѣга, а еще ниже большая часть склоновъ этой горы поросла густымъ, но невысокимъ березовымъ лѣсомъ, въ которомъ отдѣльными полосами и островами растутъ пихты. Густые хвойные лѣса покрываютъ все пространство, доступное для глаза, но долины Б. Лабы и притока ея Шхія. Съ нашей стоянки хорошо были видны и горы, которыя тянутся по правую сторону долины Загдана. Большая часть ихъ склоновъ

также покрыта лѣсами. Надъ ними располагается широкая полоса альпійскихъ луговъ, а еще выше громадятся высокія остроугольныя зубчатыя скалы, разрисованныя полосами и пятнами снѣга. Эти горы отдѣляютъ долину Лабы отъ истоковъ Урупа и Кяфара. Полина, на которой мы расположились, была покрыта, какъ уже я говорилъ, свѣжей зеленой травой и представляла пышный лугъ, по которому было разсыпано множество различныхъ цвѣтковъ, свойственныхъ по-преимуществу нижнему поясу альпійскихъ луговъ. Прежде всего бросаются здѣсь въ глаза крупныя розовыя *Betonica grandiflora*, малиноваго цвѣта клеверъ, гвоздики. *Rhisanthus major*, *Linaria vulgaris*, *Geranium pratense*, *Galium*, *Gratiola officinalis*, бѣлоголовникъ (*Leucanthemum vulgare*) и т. д.

Въ одномъ отношеніи наша стоянка оказалась, какъ уже было замѣчено, крайне неудобной. Крошечная, едва замѣтная невооруженнымъ глазомъ, но очень больно кусающаяся мошка водится на ней въ несмѣтномъ количествѣ и причиняетъ, въ особенности кочью, не только страшное безпокойство, но даже настоящее мученіе. Она такъ мелка, что можетъ всюду забираться, и потому защитить себя отъ нея нѣтъ почти никакой возможности. Я пробовалъ плотно закутываться вмѣстѣ съ головой въ бурку; этимъ удавалось до известной степени оградить себя отъ мошки, но тогда приходилось дышать спертымъ воздухомъ и задыхаться отъ жары. Особенно безпокойла пась мошка утромъ и вечеромъ, днемъ-же она пряталась въ траву, въ особенности, когда ярко свѣтило солнце.

Въ первый день нашего пребыванія на этой полянѣ вода въ Лабѣ нисколько не убывала. Незамѣтна была убыль ея и къ утру слѣдующаго дня. Очевидно, дожди и въ это время продолжали итти гдѣ нибудь въ верховьяхъ Лабы или ея притоковъ. Такимъ образомъ, намъ предстояло прождать на этомъ мѣстѣ, вѣроятно, еще не мевѣ сутокъ. Особенно смущала меня почъ, въ теченіе которой мы должны были перевести немало мученій въ борьбѣ съ нашимъ несноснымъ микроскопическимъ врагомъ.

На второй день съ самаго утра было насмурно и въ теченіе дня нѣсколько разъ принимался итти мелкій дождь. Я съ удовольствіемъ отправлялся-бы ползти по сосѣднимъ горамъ и поохотиться за кабанамъ и медвѣдями, на что имѣлъ разрѣшеніе, но трава, кусты и вѣтви деревьевъ цѣлый день были покрыты водой и, кромѣ того, съ минуты на минуту можно было ожидать сильнаго дождя; наконецъ, и густой туманъ въ теченіе всего дня

скрывалъ большую часть горъ, переползая съ одной на другую: При такихъ условіяхъ отправиться куда менѣе далеко не представлялось заманчивымъ; тратить времени напрасно, и обогнеть поляну и неся лѣсъ, два раза сходилъ на Лабу и Макеру, собиравъ къ себѣ растенія и занимался наблюденіями надъ птицами. Ритетомъ для меня было присутствіе на этой полянѣ довольно порядочнаго количества клестовъ (*Loxia curvirostra* L.), которыхъ я за все свои странствованія по Кавказу встрѣчалъ только въ ущельѣ М. Лабы, именно на Умпырѣ *). На полянѣ вокругъ нашей стоянки клесты носились утромъ и вечеромъ большими стадами, перелетали съ сосны на сосну и вылущивали шишки, причѣмъ все это сопровождалось, по обыкновенію, немолкаемымъ крикомъ. Въ срединѣ дня ихъ почти не было видно: въ это время они отдыхали въ лѣсу. Клестовъ встрѣчалъ я и выше этого мѣста въ долинѣ Загдана, именно на полянѣ при впаденіи р. Ихинъ въ Лабу. Около нашей стоянки мнѣ удалось еще разъ наблюдать тягу вальдшнеповъ. Вечеромъ я видѣлъ одного вальдшнепа, который перелетѣлъ черезъ поляну, издавая характерный для тяги крикъ, а 1-го іюля на разсвѣтѣ слышалъ голосъ нѣсколькихъ вальдшнеповъ. Замѣчу, что двухъ вальдшнеповъ я вснугулъ сутки тому назадъ, проѣзжая по долинѣ Загдана между устьями Закапа и Дамхурца, а раньше видѣлъ ихъ неоднократно въ лѣтнее время въ долинѣ М. Лабы и въ верховьяхъ Урупа. Слѣдовательно, въ этой части Кавказа лѣтомъ вальдшнепы не рѣдкость и здѣсь они, конечно, выводятся; доказательствомъ этому, какъ я уже говорилъ, служитъ существованіе тяги. На этой-же полянѣ, а въ особенности въ окружающемъ ее хвойномъ лѣсу я видѣлъ довольно много дроздовъ-дерибъ (*Turdus viscivorus* L.), не менѣе десятка пѣвчихъ дроздовъ (*Turdus musicus* L.), которые также здѣсь выводятся. Въ тѣхъ-же мѣстахъ я встрѣчалъ, хотя и въ меньшемъ количествѣ, черныхъ дроздовъ (*Merula vulgaris* Gray), свѣгирей, крапивниковъ и соекъ (*Garrulus Krinickii* Bogd.). Черные дрозды по долинѣ Б. Лабы распространяются очень высоко. Я видѣлъ ихъ выше Загдана, верстахъ въ 10—12 отъ истоковъ рѣки. Сойки какъ въ самомъ лѣсу по Загдану, такъ и на полянахъ попадаются довольно часто. Пѣночки (вѣроятно, *Phylloscopus sibilans* Brooks.)

*) «Верховья Мадей Лабы и Мамты», Зод. Кавк. Отд., кн. XXII, стр. 6.

въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются тоже очень часто и ихъ довольно громкій голосъ приходится слышать почти постоянно. Въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ лѣса только одинъ онъ и нарушаетъ царствующую тамъ тишину. На полянѣ около Макеры, а также при впадѣніи р. Пхія въ Лабу я видѣлъ нѣсколько разъ крапивниковъ, черныхъ стрижей (*Cypselus arus* L.), которые, вѣроятно, гнѣздятся на скалахъ, окружающихъ это ущелье, встрѣчалъ луговыхъ чекановъ (*Pratincola tibetana* L.), а изъ хищныхъ нѣсколькихъ краснохвостыхъ сарычей (*Buteo Menetriesi* Bogd.), черныхъ грифовъ (*Vultur monachus* L.) и грязного сына (*Neorhion persopterus* L.). Дятловъ въ Загданѣ мнѣ попалось мало. Шагахъ въ 500 отъ нашей палатки мы наткнулись очень близко на медвѣдицу съ медвѣжатами, но она почувала насъ и быстро скрылась въ бурьянѣ и кустахъ. Хотя по ней и былъ сдѣланъ выстрѣлъ, но, очевидно, безвредный для нея. Около долины я видѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свиные кокопы, а на тропахъ волчьи слѣды. По словамъ одного изъ ветеринарныхъ стражниковъ, волки въ Загданѣ встрѣчаются довольно часто и любятъ ходить по дорогамъ, которыя служатъ для прогона скота. Одинъ слѣдъ крупнаго волка, какъ я самъ замѣтилъ, тянулся по грязной дорогѣ на протяженіи версты пяти. Весною въ Загданѣ, недалеко отъ Пхія, былъ убитъ волкъ, когда онъ гнался за ланью. Другой волкъ, убитый здѣсь-же на тропѣ въ маѣ, имѣлъ, судя по шкурѣ, очень порядочные размѣры и настоящую зимнюю шерсть, еще не начавшую выпадать. Но цвѣту ея этотъ волкъ нисколько не отличался отъ волковъ, водящихся на равнинахъ *). Медвѣди и дикія свиньи попадаютъ здѣсь тоже часто. Недалеко отъ этого мѣста въ прошломъ году раненый медвѣдь началъ на стрѣлявшаго въ него черкеса — ветеринарнаго стражника и нанесъ ему множество (мнѣ говорили, до 40) ранъ. Раны оказались, однако, не особенно серьезными, и стражникъ, проболѣвъ мѣсяца два, выздоровѣлъ, но долго еще не могъ владѣть надлежащимъ образомъ рукой и ногой. Шкуры медвѣдей, убитыхъ стражниками, я видѣлъ на ветеринарномъ посту при впадѣніи р. Пхія въ Лабу. Одна изъ этихъ шкуръ отличалась очень большою величиной (3¼ аршина въ длину) и имѣла длинную, но довольно рѣдкую свѣтло-сѣрую шерсть. Свиньи держатся здѣсь какъ внизу, на днѣ ущелья, такъ и у

*) Въ горахъ волки меньше ростомъ и часто имѣютъ болѣе рыжую окраску.

верхней границы лѣсовъ, даже на альпійскихъ лугахъ, гдѣ иногда пасутся почти рядомъ со стадами барановъ и козъ, принадлежащихъ горцамъ. Последніе, какъ магометане, свиней не трогаютъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мясо ихъ сбить невозможно. Въ ущельѣ Макеры я видѣлъ также слѣды дикихъ козъ или косуль и былъ оглашенъ удивленіемъ, встрѣтивъ ихъ такъ высоко и притомъ въ этихъ сплошныхъ дремучихъ вѣковыхъ лѣсахъ; но егеря Кубинской Охоты и стражники говорили мнѣ, что дикія козы попадаются даже и выше этихъ мѣстъ, напр., въ лѣсахъ по долиніѣ Ихинъ *). На горахъ, окаймляющихъ долину Загдана и ущелье Макеры, водятся также серны и туры (*Capra Sewerzowi Menzb.*), но въ количествѣ сравнительно небольшомъ. Въ отношеніи горъ, возвышающихся по правую сторону долины Лабы, это объясняется тѣмъ, что здѣсь пасется очень много рогатаго скота и лошадей, принадлежащихъ карачаевцамъ, абазинцамъ и абхазцамъ. Изъ рыбъ въ этихъ мѣстахъ водится только рѣчная форель, встрѣчающаяся, однако, въ очень большомъ количествѣ во всѣхъ здѣшнихъ рѣчкахъ. Гдѣ-бы мы ни останавливались, моимъ проводникамъ всегда удавалось поймать нѣсколько десятковъ форелей; на посту около Ихинъ два ветеринарныхъ стражника за 2—3 часа при мнѣ поймали 60 штукъ ихъ, а за день передъ этимъ въ нѣсколько часовъ 150 штукъ!

Къ концу второго дня вода въ Лабѣ начала замѣтно спадать. Мы были увѣрены, что, если только ночью не случится въ горахъ дождя, она понизится очень сильно и намъ безъ труда можно будетъ перебраться на правый берегъ рѣки. Съ надеждою на это мы улеглись спать, но ночью снова преслѣдовала насъ мошка, хотя значительно меньше, чѣмъ наканунѣ. Причиной этому была, вѣроятно, болѣе холодная ночь, предвѣщавшая хорошую погоду. Наступившее за нею утро было, дѣйствительно, чудное—ясное и безоблачное; солнце своими яркими, блестящими лучами обило всѣ лѣса, горные луга, скалы и вѣчные снѣга. Все это свѣтилось и искрилось, какъ въ огнѣ; ярко сіяла и блестяла всѣми цвѣтами спектра каждая капелька росы. Когда я отправился на рѣку, то увидѣлъ, что вода въ ней замѣтно очистилась и сильно убыла.

*) Въ этомъ году за станціей Самурской мнѣ пришлось убить какого козла (*Capreolus caprea Gray*) на горныхъ лугахъ верстахъ въ двухъ отъ лѣса и на высотѣ около 6000 ф. Съ этимъ козломъ былъ еще и другой.

Часовъ въ 8 утра, послѣ того, какъ роса немного спала, мы выступили со своей стоянки, тотчасъ-же перебрались черезъ Макуру, но должны были проѣхать еще версты три по лѣвому берегу Лабы. Лѣсъ и здѣсь состоитъ главнымъ образомъ изъ елей съ примѣскою пихты и бука, по въ немъ растетъ много и осины. Последняя часто образуетъ очень чистыя, сплошныя насажденія, занимающія, однако, небольшія сравнительно пространства.

Проѣхавъ съ полчаса, мы добрались до брода черезъ Лабу. Ова здѣсь разбивается на два большихъ протока, изъ которыхъ первый оказался совсѣмъ мелкимъ, а второй значительно глубже. Недалеко отъ этого брода, почти при впаденіи р. Ихинъ въ Лабу находится большая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ сплошнымъ лѣсомъ. На ней расположенъ ветеринарный постъ № 7, удаленный всего лишь на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ р. Ихинъ, которая имѣетъ здѣсь аршинъ 10—12 въ ширину. Длина Ихинъ равняется верстамъ 15. Она течетъ по широкой, просторной долинь, окруженной болѣе или менѣе пологими склонами. Они покрыты сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ, который, подобно растущему по Загдану, принадлежитъ къ лучшимъ не только въ этой мѣстности, но и на всемъ Кавказѣ. Особенно много лѣса находится на лѣвой сторонѣ долины Ихинъ. На полянѣ вблизи поста я встрѣтилъ изъ травянистыхъ растений мяту (*Mentha silvestris*), *Betonica grandiflora*, *Lysimachia vulgaris*, *Spiraea Filipendula*, *Sp. Aruncus* (*Ar. silvester* Kostel.), два вида *Linum*, *Astrantia major*, *Scabiosa ochroleuca*, обыкновенную крапиву (*Urtica dioica*), нѣсколько видовъ *Orchis*, землянику и т. д. Здѣсь же растутъ и дикая рожь (*Secale montanum* Gass.) и многіе другіе злаки, ситники и осоки. Эти-же травы попадаются и на прочихъ полянахъ, которыя находятся въ долинь Загданъ выше впаденія р. Ихинъ въ Лабу.

Лѣса, растущіе вокругъ полянъ, замѣтно отличаются отъ тѣхъ, которые образуютъ сплошныя насажденія. Они представляютъ гораздо большее разнообразіе и богатство формъ, и, кромѣ того, въ составъ ихъ входитъ гораздо большее количество листовныхъ породъ. Къ нимъ принадлежатъ вязъ (*Ulmus campestris*), букъ, остролиственный кленъ (*Acer platanoides*), обыкновенный кленъ (*Acer campestre*), ясень (*Fraxinus excelsior*), осина (*Populus tremula*) ольха (*Alnus incana*), черноольха (*A. glutinosa*), черемуха, которая образуетъ здѣсь деревца, достигающія въ діаметръ до $\frac{1}{2}$ аршина и высоты саженъ четырехъ, верба и т. д. Дубъ, насажде

внѣ котораго въ предгорьяхъ и низшемъ полѣ горь занимаютъ такое видное мѣсто, здѣсь совершенно не растутъ. Изъ кустарниковъ въ этихъ мѣстахъ встрѣчается орѣшникъ (*Corylus Avellana*), смородина съ красными ягодами, жимолость (*Lonicera Carpi-folium* и *L. Xylosteum*). Между листовыми деревьями растутъ здѣсь ели и пихты. Послѣднія, начиная съ устья Макачи, всюду въ верховьяхъ Б. Лабы встрѣчаются очень часто. Надо еще замѣтить, что отъ устья Дамхурца до Ихин, на протяженіи верстъ 30, долина Лабы тянется въ юго-восточномъ направленіи,—поэтому правая сторона ея значительно сильнѣе освѣщается солнцемъ, чѣмъ лѣвая, и въ отношеніи растительности замѣтно отличается отъ нея. Сильно преобладающими лѣсными породами и здѣсь являются ель и пихта, но, кромѣ того, много растетъ листовыхъ деревьевъ. Между ними попадаетъ и липа. Что касается сосны, то она внутри лѣса не встрѣчается вовсе, а только по полянамъ или на скалахъ болѣе или менѣе высоко надъ дномъ долины. Во многихъ мѣстахъ здѣсь между сплошными еловыми и пихтовыми насажденіями тянутся полосы исключительно листоваго лѣса, который внизу, на днѣ ущелья, состоитъ часто изъ одной только осины, а выше изъ бука и березы. Огромныхъ размѣровъ достигаютъ въ этихъ лѣсахъ ели и пихты. Недалеко отъ поста, на полянѣ, гдѣ деревья растутъ всегда не такъ высоко, какъ внутри лѣса, и опредѣлили высоту двухъ пихтъ, причемъ она оказалась равной 80 аршинамъ. Можно быть вполне увѣреннымъ, что внутри лѣса, въ долинѣ Загданъ, многія ели и пихты достигаютъ высоты, какъ я уже говорилъ, не менѣе 100 аршинъ. Изъ травянистыхъ цвѣтковыхъ растений въ этихъ лѣсахъ часто попадаетъ *Pagis quadrifolia*, а изъ споровыхъ *Struthiopteris germanica*, *Polystichum Filix Mas*, *Equisetum hiemale*, *Eq. gamosum* и очень много лишайниковъ—*Usnea barbata*, которые длинными сѣрно-зелеными пасмами свѣшиваются со стволовъ и вѣтвей всѣхъ деревьевъ. Рододендроновъ внутри лѣса здѣсь нѣтъ вовсе, а растутъ они только у верхней границы его.

Выше поста № 7-й мы должны были снова перебраться на лѣвый берегъ Лабы. Она течетъ очень быстро и, кромѣ того, около брода прорывается черезъ громадную массу валесеннаго ея лѣса. Вѣтвистыя и мохватыя ели и пихты нагромождены здѣсь другъ на друга, причемъ нѣкоторые изъ нихъ лежатъ въ водѣ, другія держатся на поверхности ея, а третьи висятъ въ воздухѣ. Бродъ находился выше этого мѣста саженьяхъ въ 10—15. Переѣздъ

черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ былъ небезопасенъ, такъ какъ лошадь, случайно снесенная водою, должна была попасть на эту груды карчъ и почти навѣрное быть втянутой подъ нихъ быстрымъ теченіемъ. Особенно боялись мы за лошадь моего главнаго проводника: ей передъ нашей поѣздкой въ горы было сдѣлано кровопусканіе и притомъ такое обильное, что оно сильно ослабило животное. При этихъ условіяхъ лошади было еще труднѣе бороться съ быстрымъ теченіемъ. Опасаясь, что мы не попали на настоящій бродъ, я послалъ одного изъ своихъ спутниковъ на пость за стражникомъ, чтобы просить его указать намъ мѣсто, гдѣ надо переправляться черезъ рѣку. Бродъ оказался именно тамъ, гдѣ мы предполагали, и нашъ переѣздъ черезъ рѣку совершился благополучно, хотя и съ нѣкоторымъ страхомъ.

Черезъ два часа мы поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ слѣдующій довольно большой притокъ съ лѣвой стороны, именно р. Санчара, впадаетъ въ Лабу. Здѣсь рѣка еще круче поворачиваетъ къ востоку, причемъ правая сторона ея долины обращается почти на югъ и потому сильно согрѣвается лучами солнца. Въ этой части долины мы встрѣтили многія породы деревьевъ и кустарниковъ, которыя нѣсколько странно видѣть на такой значительной высотѣ. Къ нимъ принадлежатъ *Acer platanoides*, калина (*Viburnum Opulus*), *Lonicera Caprifolium*, хмѣль, малина и т. д.; но рядомъ съ ними растутъ и представители холодныхъ и высокихъ мѣстъ, какъ, напр., рябина и береза. Въ общемъ, однако, и здѣсь сильно преобладаютъ хвойныя породы. Что касается собственно ущелья Санчары, то оно очень тѣсно, грандіозно и по своей красотѣ превосходитъ ущелье Макеры, Дамхурца и другихъ притоковъ Большой Лабы. Склоны горъ, окаймляющихъ его, очень круты, но тѣмъ не менѣе на всемъ протяженіи, за исключеніемъ самыхъ верхнихъ частей, покрыты прекраснымъ высокоствольнымъ хвойнымъ лѣсомъ. При входѣ въ ущелье Санчары съ правой стороны рѣки поднимается въ видѣ, правильнаго конуса очень красивая гора, сплошь покрытая крупными пихтами. Если смотрѣть издали, то остроконечныя верхушки ихъ, проектируясь на чистомъ небѣ, представляютъ какъ будто-бы густую щетку. Нѣсколько дальше со дна ущелья поднимается другая гора, похожая по формѣ на первую, но гораздо болѣе высокая и съ острой, какъ пика, скалистой вершиной. По этой причинѣ кажется, что гора возвышается самостоятельно со дна ущелья и дѣлитъ его на двѣ части; на самомъ дѣлѣ она представляетъ конецъ того кряжа, который

отдѣляеть ущелье Санчары отъ ущелья ея притока съ правой стороны.

Недалеко отъ ущелья р. Санчары мы снова должны были переѣхать на правый берегъ Большой Лабы и продолжать по нему путь почти до самыхъ истоковъ рѣки. Здѣсь Лаба течеть уже почти съ юга на сѣверъ и потому въ отношеніи растительности правая и лѣвая стороны ея долины почти не отличаются другъ отъ друга. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ сливаются обѣ только что упомянутыя рѣчки, мы встрѣтили очень замѣчательное мѣсто: недѣли за двѣ до нашего проѣзда во время сильныхъ дождей здѣсь обрушилась на дно ущелья цѣлая гора. Она засыпала дорогу и запрудила Лабу, вслѣдствіе чего послѣдняя образовала въ этомъ мѣстѣ глубокое озеро длиною версты въ полторы и шириною сажень въ 150. Оно наполнилось чистой, прозрачной голубой водой и со всѣхъ сторонъ было окружено пихтовымъ лѣсомъ. Огромныя еще зеленныя пихты и березы торчали надъ поверхностью озера, причемъ нѣкоторые изъ нихъ до половины высоты были погружены въ воду. Озеро это замѣтельно красиво и очень своеобразно. Въ него, говорятъ, набралось изъ Лабы и ея притоковъ очень много форели. Трудно сказать, сколько времени просуществуетъ оно и какаѣ вообще его дальнѣйшая судьба.

Проливные дожди, которые продолжались и послѣ описанной катастрофы, сильно размывали обрушившійся и ничѣмъ не скрѣпленный щебень, песокъ и мелкіе обломки кремнистыхъ горныхъ породъ, и сносили огромную массу ихъ въ самую нижнюю часть ущелья. Этому переносу способствовала и необыкновенная крутизна склоновъ ущелья, доходящая мѣстами до 45—50°. Груды свѣтло-сѣраго щебня и камня, перемѣшанныхъ съ гризью, покрыли толстымъ слоемъ поверхность не менѣе квадратной версты. Здѣсь-же валялось много крупныхъ обломковъ скаль и все это представляло невообразимый хаосъ, своимъ видомъ напоминающій или сели (овражные выпосы) или застывшіе потоки лавы. Во многихъ мѣстахъ изъ этихъ грудъ камня и щебня торчали изломанныя, изуродованныя деревья и кусты.

Всѣ эти груды находились еще въ очень неустойчивомъ состояніи и были сильно пропитаны водой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ представляли совсѣмъ зыбкую массу, которая только на поверхности подсохла и какъ будто-бы затвердѣла, но по ней нельзя было пройти даже нѣшкомъ, такъ какъ легко было провалиться

по пояс, если не больше, и увязнуть. Еще гораздо труднее и опаснее было провести через нее лошадей. Мы довольно долго испытывали твердость ее въ разныхъ направлєніяхъ и только послѣ этого рѣшили отправиться вмѣстѣ съ лошадьми, придерживаясь болѣе высокихъ гривъ, съ которыхъ вода успѣла уже сойти, и мѣсть, гдѣ были нагромождены болѣе крупныя щебенъ и камни. Несмотря на эти предосторожности, мы едва не утопили одну изъ нашихъ лошадей, которая сразу погрузилась въ смѣсь щебенъ и воды до половины туловища.

Верстахъ въ 10 отъ самыхъ истоковъ Большой Лабы въ долину ея начинаютъ поладаться древнія моренныя отложения. Почти всѣ они представляютъ крутыя валы, идущіе попереку ущелья, и потому должны разсматриваться, какъ конечныя морены бывшаго здѣсь въ ледниковый періодъ огромнаго ледника. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти валы осыпаются или прорѣзываются рѣчками, моренный характеръ ихъ обнаруживается вполне ясно. На одной полянѣ, верстахъ въ 10 отъ истоковъ рѣки, находится нѣсколько такихъ грядъ, занимающихъ довольно значительное пространство и лежащихъ одна за другой; за ними слѣдуетъ перерывъ версты въ двѣ, а еще дальше, вверхъ по долину рѣки снова тянутся такія-же гряды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ запруживаютъ воду и между ними образуются болотца. Среди этихъ моренъ лежатъ два огромные камня, имѣющіе объемъ въ нѣсколько кубическихъ сажень каждый. Хотя на нихъ не замѣтно ни шлифовки, ни царапинъ, но и ихъ, по всей вѣроятности, надо признать эрратическими валунами. Тропа къ верховьямъ Лабы и на перевалъ Цагеркеръ проходитъ черезъ всѣ только что упомянутыя морены и вълѣдствіе этого такъ плоха, какъ нигдѣ въ долину Лабы. Вблизи этихъ моренъ мы вснугнули огромнаго дикаго кабана, который лежалъ въ высокомъ бурьянѣ. Онъ бросился бѣжать въ ближайшій лѣсъ и скрылся, къ сожалѣнію, такъ быстро, что мы не успѣли по нему выстрѣлить. Выше моренъ, въ лѣсу, вблизи тропишки я поймалъ гадюку. Спина у нея была черно-бураго, даже почти чернаго цвѣта безъ той характерно черной зигзагообразной полосы, которая всегда бываетъ замѣтна у обыкновенной гадюки; брюхо-же было покрыто чешуями темнаго, синевато-стального цвѣта съ бѣлыми оторочками на задней сторонѣ каждой чешуйки и бѣлыми пятнами. Позади глаза тянулось вдоль головы и шеи совершенно черное пятно длиною почти въ дюймъ. Длина этой гадюки равнялась 14 дюймамъ.

Въ разстояніи около часа пути отъ древнихъ морей Лаба раздѣляется на два потока. По берегу восточнаго идетъ тропа на переваль Цагеркеръ, а западнаго—на Санчара-оху. По дорогѣ къ Цагеркеру и верстахъ въ трехъ выше раздвоенія Лабы находится послѣдній ветеринарный постъ въ верховьяхъ этой рѣки. Онъ расположенъ на правомъ берегу Лабы на днѣ глубокаго ущелья, всѣ склоны котораго покрыты лѣсомъ. Постъ со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими горами. На немъ очень прохладно (въ 5 часовъ утра 8-го іюля термометръ показывалъ только + 10° Ц.); утромъ небо почти всегда бываетъ затянуто облаками, которыми позднѣе въ большинствѣ случаевъ расходятся. Дожди идутъ здѣсь, какъ сообщали мнѣ стражники, не такъ часто, какъ въ другихъ частяхъ горъ западнаго Кавказа. Вода въ Лабѣ здѣсь очень холодна. Въ 5 часовъ утра температура ея равнялась 6° Ц.; кромѣ того, она очень чиста, прозрачна и имѣетъ чудный голубой цвѣтъ. Несмотря на необыкновенно быстрое теченіе, въ Лабѣ и здѣсь водится очень много форели. Постъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ пихтами. Довольно много растетъ рядомъ съ ними березы, бука и ильма; малина и брусника также растутъ около поста, кавказская черника (*Vaccinium Arctostaphylos*) встрѣчается въ изобиліи какъ выше него, такъ и ниже, начиная отъ устьевъ Цхи. Здѣсь-же много черной и красной смородины; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается значительно чаще, чѣмъ первая. Крыжовникъ съ мелкими непріятными на вкусъ плодами встрѣчается рѣдко и растетъ по скалистымъ мѣстамъ. Около поста, особенно рано утромъ, поетъ очень много пѣвочекъ, здѣсь-же часто можно видѣть черныхъ стрижей (*Cypselus arus* L.) и снѣгирей. Странно, что бѣлозобыхъ дроздовъ я не встрѣчалъ вовсе ни около поста, ни по дорогѣ отъ него къ перевалу. Живущіе на посту стражники сообщали мнѣ, что въ началѣ лѣта, когда они только пришли сюда, имъ неоднократно попадались на глаза туры, но позднѣе, съ приходомъ абхазцевъ и карачаевцевъ съ ихъ стадами, туры перекочевали съ этихъ мѣстъ. Часто видѣли здѣсь стражники и медвѣдей.

Постъ состоитъ изъ небольшого домика для ветеринарнаго врача и просторнаго барака, въ которомъ помѣщаются стражники. На постъ мы пріѣхали передъ самымъ вечеромъ, переночевали здѣсь и на слѣдующее утро отправились на переваль Цагеркеръ, который отстоитъ отъ поста всего лишь на семь или восемь верстъ. На протяженіи первой четверти пути тропинка идетъ

вдоль берега Лабы, переходить через нѣсколько притоковъ ея, медленно и постепенно поднимаясь все выше и выше; дальше же на протяженіи версты двухъ тянется крутой подъемъ по мѣстности, покрытой березовымъ лѣсомъ. Эту часть пути мы, жалѣя нашихъ лошадей, проишли нѣшкомъ. Еще дальше средней крутизны подъемъ тянулся почти до самаго перевала по широкой долинькѣ, покрытой альпійскими лугами, на которыхъ кое-гдѣ растутъ березки, вербы, пихты, ели, рябина, горный кленъ (*Asper Trautvetteri*), корявый низкорослый букъ и рядомъ съ ними кавказская черника, рододендроны и брусника. Береза распространяется здѣсь выше другихъ древесныхъ породъ и не доходитъ до перевала только версты на полторы, останавливаясь ниже него приблизительно футовъ на 400. Что касается рододендроновъ, именно *Rhod. caucasicum*, то онъ поднимается до самаго перевала и на немъ, вправо отъ дороги, образуетъ густыя заросли, которыя покрываютъ значительное пространство *). Изъ травянистыхъ растений по дорогѣ къ перевалу больше всего обращаетъ на себя вниманіе чудный свѣтло-голубой водосборъ (*Aquilegia olympica*), чемерица (*Veratrum album*), *Polygonum Bistorta*, синіе крупноцвѣтные акониты, *Betonica grandiflora* и т. д. Эти растенія, однако, не доходятъ до самаго перевала и замѣняются другими. Изъ горныхъ породъ около Цагеркера и по дорогѣ къ нему мы встрѣтили гранитъ, гнейсъ, кварциты и вообще кварцевыя породы. Аспиднаго сланца, который на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ распространенъ такъ сильно, здѣсь нѣтъ вовсе.

Перевалъ Цагеркеръ, если смотрѣть на него съ сѣвера, представляетъ красивую пологую сѣдловину въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, имѣющую видъ довольно правильной дуги. По обѣимъ сторонамъ его возвышаются горы, вершины которыхъ состоятъ изъ скаль, а склоны покрыты травой, рододендронами, осипями и кое-гдѣ снѣгомъ. Все это очень красиво перемѣшано между собою. Съ восточной стороны у самаго перевала стоитъ, какъ стражъ, высокая, крутая, но закругленная наверху гора,

*) По опредѣленію Н. И. Кузнецова, береза кончается на высотѣ 1995,6 метра (6545 ф.) надъ ур. моря; по моему же опредѣленію, на высотѣ около 7000 ф. На одной высотѣ съ березами оканчиваются, по опредѣленію Н. И. Кузнецова, и рододендроны, но я нашелъ много ихъ и на самомъ перевалѣ, на высотѣ приблизительно 7400 ф. Н. И. Кузнецовъ. Путешествіе по Кубанскимъ горамъ. Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XXV, стр. 169.

почти все основание которой покрыто снѣгомъ. На самомъ перевалѣ находится четыре-угольной формы озерцо шаговъ въ 200 длиною и шаговъ въ 150 шириною. Оно неглубоко и наполнено чистой водой темно-зеленаго цвѣта. Ближайшія къ перевалу мѣста покрыты зеленой травой, среди которой цвѣтутъ незабудки, роговики (*Cerastium*), ромашка, конскій щавель, *Achemilla argentea*, *Plantago* и т. д. На тропѣ, ведущей къ Цагеркеру, въ началѣ іюля снѣга совсѣхъ не было, но по сторонамъ тропы онъ лежалъ во многихъ мѣстахъ, не образуя, однако, сколько-нибудь значительныхъ снѣжныхъ полей. Особенно красиво испещрены имъ горы вправо отъ перевала, въ истокахъ р. Грибзы, принадлежащей уже южному склону. Здѣсь въ одной котловинѣ находится порядочной величины снѣжное поле вродѣ небольшого фирнз-глетчера. Все оно покрыто снѣгомъ, вывалившимъ, вѣроятно, въ весенніе мѣсяцы, а подъ нимъ видѣется зеленоватый ледъ и замѣтны во многихъ мѣстахъ трещины, напоминающія ледниковыя.

До Цагеркера мы ѣхали почти 2½ часа. Онъ находится, по моему приблизительному опредѣленію, на высотѣ около 7400 футовъ надъ ур. моря. Лѣтъ 15 тому назадъ высота его была опредѣлена Н. И. Кузнецовымъ, въ настоящее время профессоръ юрьевскаго университета, и найдена равной 1362,2 саж. или 9535,4 ф. *), но я увѣренъ, что въ это опредѣленіе вкралась ошибка и что Цагеркеръ находится на значительно меньшей высотѣ, хотя, можетъ быть, и превышающей ту, которая найдена мною.

Цагеркеръ во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на сосѣдніе съ нимъ перевалы Аинхо и Псеашхо, ведущіе съ верховьевъ Малой Лабы на Мзымту **). Онъ, какъ уже мы видѣли, сравнительно не высокъ и въ лѣтніе мѣсяцы вполне доступенъ; кромѣ того, по дорогѣ къ нему нѣтъ ни пропастей, ни особенно опасныхъ мѣстъ. На немъ мало встрѣчается даже крутыхъ спусковъ и подъемовъ, гдѣ трудно ѣхать верхомъ и надо слѣзать съ лошади. Если бы не переправы черезъ такую большую и быструю рѣку, какъ Лаба, то дорога къ перевалу въ лѣтнее время могла бы считаться вполне безопасной. Горы, находящіяся около

*) Н. И. Кузнецовъ. Путешествіе по Кубанскимъ горамъ.

**) Эти перевалы описаны мною въ статьѣ „Верховья Малой Лабы и Мзымты“. Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. XXII.

самого перевала, также лишены опасных крутых скалъ и больших глетчерных или снѣжных полей, которыя могли бы угрожать лавинами или обвалами. Вообще онѣ имѣютъ болѣе или менѣе мягкій характеръ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ, влѣво отъ перевала, виденъ на высокихъ горахъ глетчеръ довольно значительныхъ размѣровъ. Онъ простирается въ длину, вѣроятно, не менѣе, какъ версты на двѣ, и на всемъ протяженіи, за исключеніемъ самой нижней части, гдѣ снѣживается съ крутыхъ скалъ, очень пологъ. Нижняя половина его окаймляется довольно порядочными моренами. Глубоко въ долину онъ не спускается и потому не можетъ быть причисленъ къ глетчерамъ перваго разряда.

Недалеко отъ этого ледника находится еще одинъ, который лежитъ по другую сторону гребня, проходящаго надъ первымъ ледникомъ. Онъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ высокими острокопечными черными скалами, на которыхъ лежатъ большія и очень крутыя снѣжныя поля. Въ верхней части онъ, подобно первому, пологъ, очень чистъ и имѣетъ значительную ширину, въ средней—пересѣкается рядомъ трещинъ, но все еще остается болѣе или менѣе пологимъ, а въ нижней спускается съ крутой скалы и на ней оканчивается. Вся длина этого глетчера равняется приблизительно $1\frac{1}{2}$ верстамъ. Изъ него вытекаетъ рѣчка, которая немного выше поста впадаетъ въ Лабу. Еще одинъ маленький ледникъ находится въ верховьяхъ рѣчки, впадающей въ Лабу ниже поста. Такимъ образомъ, въ самыхъ верховьяхъ Б. Лабы находится не менѣе трехъ глетчеровъ и всѣ они располагаются въ истокахъ рѣчекъ, впадающихъ въ Лабу съ правой стороны. Они удалены отъ перевала на нѣсколько верстъ и лежатъ значительно выше него.

Воздухъ на перевалѣ снѣжъ и прозраченъ. Температура его въ 11 часовъ дня равнялась только $12\frac{1}{2}$,° Ц. Изъ птицъ около перевала мы видѣли много альпійскихъ завирушекъ (*Accentor alpinus* Gm.) и нѣсколькихъ черныхъ грифовъ. Первые весело прыгали какъ по альпійскимъ лугамъ, такъ и по скаламъ и осыпямъ, а послѣдніе плавно носились въ воздухѣ, описывая широкіе круги. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ я не встрѣтилъ ни одной клушицы (*Fregilus graculus* L.), ни одной альпійской галки (*Pyrghocorax alpinus* Vieill.). Несомнѣнно, однако, что эти птицы водятся здѣсь, какъ и вездѣ въ Кавказскихъ горахъ. Въ лѣсу недалеко отъ перевала я поймалъ еще одну такую-же гадюку,

какъ и по дорогѣ къ посту. Эта гадюка оказалась черной разновидностью обыкновенной гадюки (*Vipera berus* L.), которая попадаетъ здѣсь, какъ и въ верховьяхъ Малой Лабы, вмѣстѣ съ степной гадюкой (*Vipera Revardi* Christ.). Спина у этого экземпляра была однообразнаго черно-бураго цвѣта безъ великихъ признаковъ черной зубчатой полосы, но позади головы, за расширеніемъ, гдѣ лежатъ идодѣлительныя желѣзы, находились небольшія желтовато-бѣлыя пятна. Нижняя сторона имѣла такой же цвѣтъ, какъ у пойманнаго мною раньше экземпляра.

Еще одна гадюка съ очень свѣтлымъ, желтовато-бѣлымъ основнымъ цвѣтомъ и черными, какъ уголь, пятнами на спинѣ и на бокахъ туловища была поймана мною на возвратномъ пути недалеко отъ поста. Она оказалась во всѣхъ отношеніяхъ сходной съ тѣми гадюками, которыя два года тому назадъ были найдены мною въ верховьяхъ М. Лабы и отнесены къ виду *Vipera хантина* Gray. Спѣшу признаться въ своей ошибкѣ, въ которую я былъ введенъ однимъ экземпляромъ, имѣвшимъ голову, покрытую съ верхней стороны чешуйками и очень мелкими щитками. Последние были приняты мною за чешуйки, которыми бываетъ, какъ извѣстно, покрыта вся верхняя сторона головы *V. хантина*. Кроме того, у нѣкоторыхъ изъ найденныхъ мною въ упомянутой мѣстности экземпляровъ оказались между глазами яблокомъ и верхне-челюстными щитками два ряда мелкихъ щитковъ—особенность, также свойственная *V. хантина* и сравнительно рѣдко наблюдающаяся у обыкновенныхъ гадюкъ *).

Едва ли слѣдуетъ говорить о томъ, что съ перевала открываются во всѣхъ направленіяхъ необыкновенно красивые виды. Дремучіе лѣса, зеленые альпійскіе луга, черныя скалы, голубые глетчеры и блестящіе, какъ серебро, вѣчные снѣга,—все это соединилось здѣсь и представляетъ чудное сочетаніе цвѣтовъ и формъ. Отсюда видна значительная часть верховьевъ Бзыби и ея необыкновенно красивое и лѣсное ущелье. Многія мѣста его скрылись, однако, за ближайшими къ перевалу высокими горами.

На перевалѣ, на рубежѣ двухъ частей свѣта, мы пробыли болѣе часа. Я въ это время любовался чудными картинами какъ ближайшихъ къ перевалу мѣстъ, такъ и далекихъ горъ, собралъ

*) Окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли этихъ гадюкъ признать за отдѣльный видъ или рѣзко обособившуюся расу, будетъ сдѣлано въ близкомъ будущемъ.

нѣсколько растений и минераловъ, осмотрѣлъ окружающія перевала мѣста и вскипятилъ воду въ сосудѣ гипсометрическаго термометра. Послѣ этого я началъ спускаться внизъ, въ ущелье Бзыби, чтобы познакомиться съ мѣстностью по другую сторону Цагеркера.

Тропа, ведущая съ перевала на южный склонъ, въ Кутанскую губернію, спускается сначала въ ущелье Грибзы—одного изъ небольшихъ и очень короткихъ притоковъ Бзыби съ правой стороны, а затѣмъ уже входитъ въ ущелье самой Бзыби. Грибза вытекаетъ изъ подъ перевала двумя болѣе значительными истоками—западнымъ и восточнымъ. Они текутъ съ очень крутыхъ горъ по направленіямъ почти противоположнымъ другъ другу и сливаются противъ перевала, но верстахъ въ четырехъ ниже него. Течение ихъ очень быстрое; питаются они родниками, а также небольшими снѣжными полями и сугробами снѣга, который лежитъ здѣсь въ балкахъ и котловинахъ въ продолженіе большей части года. Къ концу лѣта его остается, однако, очень мало. Оба истока Грибзы текутъ вначалѣ въ болѣе или менѣе широкихъ балкахъ съ пологими боками, но послѣ слянія другъ съ другомъ они зарываются въ узкую глубокую расщелину, обставленную отвѣсными стѣнами. Въ такой расщелинѣ Грибза течетъ до самаго впаденія въ Бзыбъ. Течение ея очень быстрое.

Около Цагеркера и вообще въ истокахъ Грибзы Главный Кавказскій хребетъ образуетъ глубокую сѣдловину и потому не можетъ отличаться очень значительной высотой, но къ западу и востоку отъ верховьевъ Грибзы онъ поднимается гораздо выше. Особенно высокъ для этой части Кавказа Главный хребетъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ перевала, гдѣ отъ него отдѣляется отрогъ, разграничивающій истоки В. Лабы и В. Зеленчука. Это высокое мѣсто извѣстно у здѣшнихъ кочевниковъ подъ именемъ Аркасары. На Аркасарѣ много альпійскихъ луговъ, высокихъ скалъ и есть нѣсколько ледниковъ; къ числу ихъ принадлежатъ и тѣ три, о которыхъ было уже сказано мною. Вблизи Аркасары возвышаются, какъ извѣстно, въ Главномъ хребтѣ Псырсь и Псышъ, изъ которыхъ первый имѣетъ 12425 ф. высоты и превосходитъ, слѣдовательно, своей высотой всѣ горы этой части Кавказа.

Въ истокахъ Грибзы склоны Главнаго Кавказскаго хребта покрыты по-преимуществу альпійскими лугами, прорѣзанными множествомъ балокъ, по которымъ текутъ быстрые горные ручьи.

Не особенно высокія зубчатые скалы поднимаются надъ альпійскими лугами, а ниже этихъ послѣднихъ разстлается цѣлое море лѣсовъ, которые покрываютъ горы, постепенно понижающіяся по мѣрѣ удаленія отъ Главнаго Кавказскаго хребта. Эти лѣса тянутся непрерывно до берега моря. Въ верховьяхъ Грибзы около самаго перевала растутъ очень много рододендроновъ, густыя заросли которыхъ тянутся широкими полосами почти по всемъ склонамъ горъ. Недалеко отъ перевала они замѣняются березняками, а верстахъ въ двухъ или трехъ отъ него начинается уже крупный буковый лѣсъ. Многія деревья его разрослись очень цыпно и имѣютъ правильную, какъ будто-бы, если смотрѣть издали, обточенную на токарномъ станкѣ крону, покрытую блестящими листьями. Между этими деревьями стоятъ вдвое болѣе высокія остроконечныя и прямыя, какъ стрѣла, вихты. Онѣ разбросаны довольно далеко другъ отъ друга и какъ своей формой, такъ и темно-зеленымъ цвѣтомъ очень рѣзко выдѣляются изъ прочей массы зелени. Вообще въ верховьяхъ Грибзы лѣса, а въ особенности высокоствольные, поднимаются по склонамъ горъ замѣтно выше, чѣмъ на находящихся противъ нихъ мѣстахъ сѣвернаго склона Кавказа.

Вправо отъ тропы, ведущей съ Цагеркера къ ущелью Бзыби, находится скалистый откосъ, гдѣ почти на каждомъ шагѣ можно видѣть слѣды, оставленные древними ледниками. Всѣ выступы скалъ здѣсь обтерты, исчерчены или отшлифованы льдомъ. Многіе изъ нихъ представляютъ вполне типичныя „вурчавыя скалы“ и „бараньи лбы“. Въ настоящее время на этихъ мѣстахъ снѣга очень мало и онъ образуетъ только полоски и пятна; ледниковъ въ верховьяхъ Грибзы нѣтъ вовсе.

Недалеко отъ перевала въ Грибзу впадаетъ съ правой стороны короткая рѣчка, а за ущельемъ ея тянется высокій гребень, ограничивающій ущелье Бзыби съ правой стороны. На востокѣ онъ начинается высокимъ острымъ выступомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Грибза впадаетъ въ Бзыбь. Этотъ гребень покрытъ мелкимъ лѣсомъ, въ которомъ находится много полянъ и кое-гдѣ торчатъ небольшія скалы. Онъ довольно высокъ и сильно мѣшаетъ смотрѣть на долину Бзыби съ перевала. На противоположной сторонѣ ущелья Бзыби тянется еще другой, болѣе высокій кряжъ, въ средней части котораго поднимаются очень высокія остроконечныя горы, покрытыя довольно порядочнымъ количествомъ снѣга. Это Чедымскій хребетъ, отдѣляющійся отъ Главнаго у горы

Кавказистры. Сначала онъ идетъ почти на ЮЗ., а потомъ поворачиваетъ на западъ, дѣлая, кромѣ того, еще нѣсколько второстепенныхъ изгибовъ, и такимъ образомъ окружаетъ истоки Взыби. Онъ отдѣляетъ эти послѣдніе отъ истоковъ Чхалты, Амткела, Келасуры и Гумисты, и потому имѣетъ довольно важное гидрографическое значеніе. Кромѣ того, Чедымскій хребтъ отличается значительной высотой: нѣкоторыя вершины его достигаютъ десяти, даже десяти тысячъ футовъ надъ ур. моря (Шыкка 9142 ф., Химса 10355 ф., Чедымъ 9319 ф.). На этомъ хребтѣ вблизи вершины Химса есть и глетчеры. Большая часть склоновъ его покрыта сплошными лѣсами, но въ верхнемъ поясѣ находятся и довольно обширные альпійскіе луга. Всѣ воды, стекающія съ западнаго и сѣвернаго склоновъ Чодымскаго хребта, направляются въ Взыбъ, долину которой онѣ ограничиваютъ съ лѣвой стороны на протяженіи верстъ тридцати.

Въ заключеніе сдѣлаю еще одно коротенькое замѣчаніе, касающееся флоры верховьевъ Б. Лабы. Изъ сказаннаго мною раньше читатель, конечно, убѣдился, что растительность этой части Кавказа очень богата и разнообразна. Особенно замѣчательны здѣшніе лѣса съ ихъ гигантскими деревьями. Но флора этой мѣстности болѣе или менѣе существенно отличается отъ флоры верховьевъ Шехи, Бѣлой и даже отъ флоры сосѣдняго съ нею ущелья М. Лабы, т. е. отъ флоры тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ къ западу отъ верховьевъ Б. Лабы и имѣютъ еще болѣе влажный климатъ. Въ верховьяхъ Б. Лабы повсе не встрѣчается, напр., самшитъ или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*), которая растетъ въ изобиліи по ущелью Цеце, впадающей въ Шеху, и въ верховьяхъ Курджинса, впадающаго въ Бѣлую. Въ верховьяхъ Б. Лабы я также нигдѣ не видалъ *Staphylea pinnata* — кустарника, растущаго въ изобиліи по Шехѣ, Цеце, Курджинсу и даже по М. Лабѣ. Въ верховьяхъ Б. Лабы повсе не встрѣчается *Rhododendron ponticum*, растущій въ изобиліи по Цеце и Курджинсу. Не видѣлъ я здѣсь падуба (*Ilex Aquifolium*); нѣтъ въ этой мѣстности и папоротника-орляка (*Pteris aquilina*), которымъ зарастаютъ почти всѣ поляны и вообще открытыя мѣста по верхнему теченію Шехи, Курджинса и Бѣлой. Отсутствіе въ верховьяхъ Б. Лабы всѣхъ этихъ растений, свойственныхъ самымъ влажнымъ мѣстностямъ Кавказа и Закавказья, указываетъ на болѣе сухой сравнительно климатъ горъ, окружающихъ истоки Б. Лабы.

Н. Я. Динникъ.